

УДК 81'371

Е. П. Черняк

ТЕОРИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА
В СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
А. А. ПОТЕБНИ и В. фон ГУМБОЛЬДТА

Анализируется влияние работ классиков языковедческой мысли А. Потебни и В. фон Гумбольдта на разработку лингвистической теории внутренней формы слова, которая послужила основой для многочисленных современных исследований в области семантики, связанных с вопросами контекстуального значения. Рассматриваются основные положения вышеупомянутой теории, а также при помощи ряда примеров определяются способы возникновения внутренней формы слова в языке и причины ее утраты.

161

The article analyzes the influence of works by A. Potebnja and W. von Humboldt on the development of modern linguistic theory of the inner form of the word which became the basis for numerous modern studies in the spheres of semantics dealing with the issues of contextual meaning. The main foundations of the mentioned-above theory are being examined as well as the ways of creating the inner form of the word in a language and the causes of its loss are being explored with the help of practical examples.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, контекстуальность, контекстуальное значение, истинная / ложная соотнесенность, номинация, производящее слово.

Key words: inner form of the word, contextuality, contextual meaning, true / false correlation, nomination, producing word.

В последнее время среди исследователей, занимающихся изучением актуальных проблем семантики, повысился интерес к контекстуальному значению. Именно благодаря ему язык и обладает своей практически безграничной семантической многогранностью, что отмечал еще Г. Гийом в «Принципах теоретической лингвистики»: «...мысленной речи, условно одной, противопоставляется огромное разнообразие действительной речи, меняющейся в зависимости от говорящих, а при одном и том же говорящем — в зависимости от обстоятельств речи» [2, с. 95 — 96]. Понимание этого, в свою очередь, и породило, по определению И.Ю. Иероновой, «современную дискуссию, ведущуюся в лексической семантике и когнитивной лингвистике, об инвариантном значении слова как пучке дифференциально-семантических признаков и его вариативных значениях, о выделении общего (наиболее абстрактного) значения слова и основного значения слова, о прототипе и концепте» [4, с. 153].

Известно, что подобного рода исследования и «дискуссии» уходят своими корнями в работы классиков языкознания XIX в. А. А. Потебни и В. фон Гумбольдта, затрагивавших вопрос о внутренней форме слова как источнике контекстуального значения. Свою позицию относительно невозможности употребления любого слова без порождения опре-

деленного набора дополнительных смыслов А.А. Потебня выражал следующим тезисом: «Слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к ее созданию; внутренняя форма, единственное объективное содержание слова, имеет значение только потому, что видоизменяет и совершенствует те агрегаты восприятий, какие застает в душе» [7, с. 165]. Данная мысль А.А. Потебни, развивающая воззрения В. фон Гумбольдта (который впервые сформулировал понятия внешней и внутренней формы языка), послужила основой для становления теории *внутренней формы слова*. Согласно определению, приведенному в Лингвистическом энциклопедическом словаре, под внутренней формой слова нужно понимать «семантическую и структурную соотнесенность составляющих *слово морфем* с другими морфемами данного языка» [5, с. 85]. Внутренняя форма слова возникает в сознании носителя языка в ситуации, когда мышление производит своего рода автоматический анализ структуры данного слова, вычлняя некий характерный признак, положенный в основу номинации. Сочетание фоном, выводящее человеческое сознание на этот характерный признак, и принято называть внутренней формой слова. Так же как и в теории прототипов, сформулированной Э. Рош, признак, лежащий в основе номинации, может и не быть существенным. Его выбор преимущественно объясняется тем, что он первым бросился в глаза по тем или иным причинам.

Соотнесенность того или иного слова с другими словами, выражениями может быть истинной либо ложной.

Пример истинной соотнесенности представляет собой, в частности, нидерландское прилагательное *goedkoop* (дешевый), которое произошло в результате соединения слов *goed* (хороший) и *koop* (покупка) или же английского *ice-cream* от *ice* (лед) и *cream* (сливки).

Примеры ложной соотнесенности связаны с непроизвольной заменой исторического или диалектного малоизвестного слова на более современное и общеупотребительное либо с изменением значения слова в ходе исторического развития языка. Нередко подобная ситуация складывается в процессе заимствования. Классический случай ложной соотнесенности, возникшей в результате неправильно понятого диалектизма (что, в свою очередь, привело к последующей его замене на близкое по звучанию, но не имеющее ничего общего по значению слово), — это ставшее фразеологизмом выражение «растекаться мыслью по древу», где изначально, согласно гипотезе Н.П. Корелкина [5, с. 9], с которым впоследствии согласилось большинство других исследователей, стояло не «мыслью», а «мысью». Слово «мысь» в некоторых русских диалектах означало «белка» или «векша». Таким образом, оказалось, что одно из самых популярных идиоматических выражений русского языка — результат элементарной описки.

Нередки случаи, когда ложная соотнесенность появляется в процессе своего рода «перелицовки» заимствованного иностранного слова на нечто похожее в родном языке, в результате чего формируются абсолютно произвольные ассоциации. К примеру, русское «попугай» от немецкого *parapei*, русское «гололед» от немецкого *glatteis* (где *glatt*

означает «гладкий», а отнюдь не «голый») или славянское имя Владимир, которое, по мнению многих, восходит к словосочетанию «владеть миром». Однако ни к глаголу «владеть», ни к существительному «мир» оно не относится (со словом «мир» никакой связи вообще не может быть, поскольку до орфографической реформы 1918 гг. данное имя писалось как «Владимѣрь»). На самом деле «Владимир» — это результат трансформации исконно древнегерманского имени с традиционным готским окончанием *-mērs*, означающим «великий». В наше время оно известно в своей современной немецкой версии *Waldemar*.

Ситуация, в которой ложная соотнесенность связана с изменением значения слова в процессе развития языка, может наблюдаться при анализе названия «Красная площадь». В эпоху, когда она получила свое наименование, слово «красный» не отсылало к цвету, а означало «красивый». Впоследствии это значение было практически утрачено (практически потому, что в обиходе существовало несколько пословиц, в которых фигурировали слова «красен», «красна» в их исконных значениях, что не давало полностью забыть изначальную этимологию). В советское же время подобное название главной площади страны настолько хорошо связалось с государственной символикой, что стало ассоциироваться с такими понятиями, как «красная звезда» или «красное знамя». Именно в таком контексте оно воспринимается иностранцами, которые и не подозревают об исходном происхождении названия: в переводе было отражено исключительно современное значение слова — *Red Square*.

Еще один пример — прозвище датского короля Харальда Синезубого (*Harald Blåtand*), в честь которого в наше время названа технология мобильной связи блютуз (*Bluetooth*). Сейчас это прозвище воспринимается как нечто сюрреалистичное, хотя его появление объяснить очень легко. В древнескандинавском языке слово *blá* означало не «голубой», а «черный» и такое прозвище король получил из-за плохого состояния зубов.

Нередко в языке происходит утрата внутренней формы слова, что, как правило, вызывается одной из трех основных причин [1]:

1. Утрата языком производящего слова. Весьма популярным примером является исчезнувшее из русского языка существительное *коло* (колесо), которое дало жизнь таким словам, как *около* и *кольцо*. В английском языке подобного рода примером служат названия дней недели — *Tuesday, Wednesday, Thursday, Friday, Saturday*, образованные от имен древнегерманских богов и богинь Тива (*Tiw*), Водана (*Woden* или *Wodan*; в русской традиции его имя обычно употребляется в скандинавском варианте — Один), Тора (*Thor*), Фригг (*Frigg*) [8]. В связи с принятием англичанами, саксами и ютами христианства и исчезновением данных имен собственных из активного лексикона никаких соответствующих ассоциаций с персонажами германского языческого пантеона названия дней недели уже не вызывают, в отличие от слова *Sunday*, где этимология (*sun* — англ. «солнце») прослеживается до сих пор.

2. Утрата словом признака, послужившего основой для номинации. К примеру, слово *iron* в значении утюг возникло в те времена, когда данный предмет был исключительно цельнометаллическим. И если в XIX в. выражение «*to iron the linen*» (отутюжить, фактически «отжеле-

зять» белье) вызывало явные ассоциации с тяжелым предметом, каким и был тогда домашний уют, то в наше время, когда железной осталась только подошва, такие параллели уже никто не проводит.

Еще один пример утраты словом признака, послужившего основой для номинации — это употребление в современном английском языке слова *tea* в значении «прием пищи в пять часов вечера».

Как известно, у всех народов германского происхождения основной прием пищи в день (то, что мы бы назвали обедом) приходится, как правило, на временной промежуток от 17.00 до 17.30. Не были в этом исключением и англичане. Однако впоследствии среди обеспеченных слоев английского общества стало нормой сдвигать время обеда ближе к семи часам вечера. Таким образом, обедая в темное время суток, находящиеся на вершине социальной пирамиды благополучные семьи демонстрировали, что они способны позволить себе дополнительные расходы на стоящие в то время достаточно недешево хорошие свечи (кстати, из-за этого обычая, как правило, у переводчиков и преподавателей английского языка в других странах возникают трудности при переводе слова *dinner* — то ли «обед», то ли «ужин»). При таком позднем обеде интервал между предыдущим приемом пищи, ланчем, который, как известно, приходится на 12—13 часов, и обедом становился слишком большим. Поэтому и был введен в обиход английский *five o'clock tea*, действительно представляющий собой чаепитие с чем-то сладким.

В последние десятилетия в Великобритании наметилась тенденция к обратному сдвигу времени основного приема пищи на стандартные пять часов. Несмотря на то что это уже не чаепитие, а полноценный обед, его по-прежнему называют *tea*, а не *dinner*. Причем ассоциация со словом *tea* в качестве названия напитка в данном случае настолько утрачена, что в значении «обед» оно уже употребляется и во множественном числе. К примеру, вопрос «Вы уже пообедали?» в современном британском английском звучит «Did you have your teas?».

3. В результате фонетических изменений в языке, приводящих к тому, что внутренняя форма слова либо утрачивается, либо вообще не возникает там, где она могла появиться в потенциале.

Так, например, английский топонимический и ономастический суффикс *-ton* восходит к древнеанглийскому слову, обозначающему «город» (отсюда и слово *town*). На первый взгляд небольшое фонетическое изменение привело к полной утрате внутренней формы. Сложно догадаться, что фамилия великого физика Исаака Ньютона, если можно так выразиться, «топонимическая» и берет свое начало от некоего древнего поселения, именовавшегося Новым городом.

Случаи, когда внутренняя форма слова не возникла из-за предшествующих фонетических изменений в языке (хотя потенциально такая возможность была), тоже достаточно нередки. К примеру, современное английское слово *yard* образовано от древнеанглийского *geard*. Через несколько столетий после того как племена англоv, саксов и ютов окончательно перебравшись на Британские острова, в их языке произошел определенный фонетический сдвиг, вследствие которого звук [g] в позиции перед гласными переднего ряда и после любого гласного в от-

крытом слоге начал произноситься как [j]. Произношение слова [geard], изменилось на [jeard], впоследствии дифтонг [ea] трансформировался в долгий гласный звук [a:], после чего лексема окончательно превратилась в *yard* [ja:d]. Таким образом, английское слово *garden*, которое восходит к тому же индоевропейскому корню, обозначающему «огороженное пространство», что и *geard* – *yard* (отсюда и русское «город»), не вызывает ассоциаций со словом *yard*, чего не случилось бы, сохранись данное слово в своей исконной фонетической форме.

Еще один пример – английское слово *skipper*, представляющее собой заимствование из нидерландского языка. Как известно, изначально древнеанглийское слово *scip* («корабль») произносилось [skip]. Однако в процессе развития языка произошло фонетическое изменение, в результате которого во всех словах вместо сочетания звуков [sk] в начальной позиции, начал употребляться шипящий звук, близкий по звучанию русскому [ш] (все английские слова со [sk] в начале слова, такие, как *sky*, *skirt*, *scale*, – иностранные заимствования). Таким образом, *scip* превратилось в современное *ship* и никак не ассоциируется со словом *skipper*, хотя оба однокоренные, в случае закрепления в английском языке исконного произношения, внутренняя форма, безусловно, ощущалась бы.

Размышляя о том, как внутренняя форма слова, объединяющая разные семантические единицы одного рода ассоциативно-контекстной связью, влияет на язык в целом, В. фон Гумбольдт в своей статье «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» писал (при этом он проводил параллели между тенденциями в развитии грамматической структуры языка и способах пополнения его лексического фонда):

Если язык обрел свою структуру, то основные грамматические формы не претерпевают никаких изменений; тот язык, который не знает различий в роде, падеже, страдательном или среднем залоге, этих пробелов уже не восполнит; *большие семьи слов также мало пополняются основными видами производных. Однако посредством созданных для выражения более тонких отвлеченных понятий, их сложения, внутренней перестройки структуры слов, осмысленного соединения и прихотливого использования их первоначального значения, точно схваченного выделения известных форм, искоренения лишнего, сглаживания резких звучаний язык, который в момент своего формирования довольно примитивен и слабо развит, может обрести новый мир понятий и доселе неизвестный ему блеск красноречия* [3, с. 307–308].

Интересно, что возникновение и последующее расширение семантического поля контекстуальных значений В. фон Гумбольдт считает частью более «продвинутого» этапа развития языка:

Как земной шар, который прошел через грандиозные катаклизмы до того, пока моря, горы и реки обрели свой настоящий рельеф, с тех пор остался почти без изменений, так и языки имеют некий предел своей завершенности, после достижения которого уже не подвергаются никаким изменениям ни их органическое строение, ни их прочная структура. Зато именно в них, как в живых созданиях духа (Geist), могут в пределах установленных границ происходить более тонкие образования языка [3, с. 307].

Таким образом, непосредственно связанное с понятием «внутренняя форма слова» контекстуальное значение обозначается В. фон Гумбольдтом как «более тонкое образование языка». Соответственно, по его мнению, чем более развит язык, тем «разноплановее» семантическое пространство, порожденное контекстуальностью.

Список литературы

1. *Внутренняя форма слова* // Энциклопедический словарь филолога. URL: <http://slovarfilologa.ru/26/> (дата обращения: 09.12.2012).
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
3. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 307–323.
4. Иеронова И.Ю., Прозорова М.И. Язык как система миропонимания в концепции А.Ф. Лосева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 2. С. 149–158.
5. Корелкин Н.П. «Игорь, князь Северский» : поэма : рецензия // Отечественные записки. 1854. Т. 93, №3. С. 1–11.
6. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990.
7. Потемня А.А. Мысль и язык. Собрание трудов. М., 1999. Т. 1.
8. *Days of the week-meanings* // The education pages. URL: <http://education.newarchaeology.com/days.php> (дата обращения: 09.12.2012).

Об авторе

Черняк Евгений Петрович – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: eugene1977@mail.ru

About author

Chernyak Evgeny – PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: eugene1977@mail.ru